

УДК: 398.2(=811.161+811.511.13)
ББК 82.3(2)

ОБРАЗ ПЕТУХА В РАССКАЗАХ О КЛАДАХ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕСКАЗОЧНОЙ ПРОЗЫ РУССКОГО И ФИННО-ПЕРМСКИХ НАРОДОВ)¹

СВЕТЛАНА ЮРЬЕВНА КОРОЛЁВА, АНАСТАСИЯ СЕРГЕЕВНА БЕЛОМЕСТНОВА

(Пермский государственный национальный исследовательский университет:
Российская Федерация, 614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15)

***Аннотация.** В сказочной прозе о кладах образ петуха реализуется в нескольких основных вариантах: он выступает как страж сокровищ, фигурирует в условии получения богатства или является его живой персонификацией. Наибольшим разнообразием отличаются мотивы, связанные с условием взятия кладов: манипуляции с петухом становятся частью трудного задания или формулы невозможного (пахать на петухе, петушиная лошадь). Этой птицей заменяется человеческая жертва, необходимая для получения клада, либо найти спрятанное сокровище помогает живой петух. Его пением определяется время появления и исчезновения сокровищ. Заполучить цветок папоротника можно там, где не слышно голоса петухов. Семиотическая значимость и популярность в мифологической прозе наделяют образ петуха большим потенциалом для реализации в редких, единичных сюжетах. Прояснить генезис и семантику отдельных «петушиных» мотивов в фольклорных рассказах о кладах помогают более широкие сведения о ритуально-магических практиках и мифологических представлениях, связанных с этой птицей.*

***Ключевые слова:** сказочная проза, предания, клад, петух, формула невозможного.*

Едва ли не самым популярным из орнитоморфных образов, фигурирующих в фольклорных рассказах о кладах, является петух. Типичность этой птицы в историях о выходящих к людям сокровищах отмечена в целом ряде работ [Сokolova 1970: 192; Криничная 1977: 109; Котельникова 2004: 57, 61; Левкиевская 1999: 501; Гура, Узенёва 2009: 31 и др.]. Однако петух встречается и в других сюжетах: к примеру, о «заклятых» кладах, взять которые можно, лишь выполнив определённые условия. Предлагаемые кладоис-

кателю трудные задачи отличаются разнообразием, при этом некоторые из таких сюжетов известны по малочисленным или единичным записям.

В нашей работе рассматриваются все повествовательные элементы сказочной прозы, где в рассказах о спрятанных сокровищах появляется образ петуха. Основным материалом послужили былички и предания русских, коми и коми-пермяков. Для контекста привлекаются данные других славянских традиций, а также сведения о ритуально-магических

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 16-34-00007-ОГН «История Северного Прикамья в зеркале фольклора (на материале публикаций XIX — начала XX вв.)».

практиках и мифологических представлениях, позволяющие прояснить генезис и семантику отдельных «петушиных» мотивов в рассказах о кладах.

ПЕТУХ И УСЛОВИЕ ПОЛУЧЕНИЯ КЛАДА

В народной культуре образ петуха обладает высокой степенью семантической нагруженности, отличаясь многозначностью и амбивалентностью. Это вещая птица, в разных ситуациях наделяемая солнечной, хтонической, мужской сексуально-брачной символикой и семантикой плодородия [Гура, Узенёва 2009: 28]². В преданиях и быличках о кладах актуализируется «огненная» символика петуха, его способность противостоять нечистой силе и в то же время обладать некоторыми демоническими свойствами. В контексте сюжетов о спрятанных сокровищах смысловой доминантой становится внешний вид птицы (цвет), действия (ходит, показывает), звуковая характеристика (кричит, поёт).

Двенадцать петухов и сторож на воротах: редкие сюжеты с трудным условием. Один из сюжетов, где условие получения клада связано с поведением петуха, обнаруживается в фольклоре коми-пермяков. Нарратив приурочивается к археологическому объекту, известному в научной литературе как Боринское городище; местные жители называют его *Куронкар* или *Курэскар* ('Куриное городище', от коми-перм. *курёг* 'курица' + *кар* 'городище'). По преданиям, внутри спрятано сокровище, и взять его сможет лишь тот, кто ударит в колокол на воротах раньше, чем запоёт сидящий там петух: «Ниже Курэс-кара ворота были, пещера была, говорят. <...> Ворота были — кто говорит, с южной стороны, кто — с восточной. Ворота деревянные, наверху — петух. Человек подойдёт, должен ударить в колокол (он на воротах висел) раньше, чем петух закричит. Если успеет, войдёт и всё добро заберёт, если нет — умрёт. Этот завет наложили позже уже, когда никого уж

не было. Там будто полная лодка золота, но под заветом. <...> Чучкой что ли народ тот был. Будто в Курэс-каре и жили они» (зап. от А. Я. Пойлова, 1879 г. р., д. Борино. Собр. Л. С. Грибова. 1959) [Грибова АКНЦ: л. 34–35].

В версии предания, записанной 40 лет спустя, тоже фигурирует петух, однако связанный с ним мотив заметно редуцирован: «Было два богатыря. <...> Один жил вот здесь на Ошмысе³, а другой жил в Маскалях на горе Курэскар. Они с Ошмыса на гору Курэскар бросали гири. Они разбойниками были. Много золота они спрятали в горе Курэскар. Там его [золота] было у них целые розвальни. Они завещали так: хоть золото кто найдёт, оно на пользу не пойдёт. Всё своё богатство затем они засунули, оказывается, в колодец. Оттуда, мол, выходил [то] петух, то женщина, мол, в красном платочке ходит. Они, мол, были хранителями клада» [Понмарёва 2016: 65–66]. Можно подумать, что перед нами известный сюжет, когда клад является в образе человека, животного или птицы. Но есть деталь, которая указывает на более сложное значение образа петуха: рассказчик называет его «хранителем клада», что может отсылать к ранней версии предания, где эта функция птицы была более очевидна.

В сюжете, зафиксированном Л. С. Грибовой, интересно условие получения сокровища. Удача (и сама жизнь) кладоискателя зависит от того, успеет ли он ударить в висящий на воротах колокол быстрее, чем закричит петух: «Если успеет, войдёт и всё добро заберёт, если нет — умрёт». В восточнославянской несказочной прозе звон колокола и пение петуха имеют сходную семантику: их отсутствие маркирует «тот» свет, где человек оказывается уязвимым со стороны демонических существ. По карпатским поверьям, нечистая сила активна ночью, но исчезает с первым криком петуха и ударом колокола к заутрене, — однако там, куда эти звуки не доносятся, она опасна в любое время [Агапкина 1999: 245]⁴. В рязанской

² В традиционной культуре коми-пермяков семантика образа во многом сходна [Голева 2014].

³ Ошмыс — букв. 'Медвежья гора' (от коми-перм. *ош* 'медведь' + *мыс* 'возвышенность, гора'); в работе название дано в переводе на русский язык — С. К., А. Б.

⁴ Ср.: в славянских заговорах болезни и «уроки» отсылают туда, где не кричит петух, не кулдахнут куры, не звонят колокола: «Иди на Чорне море... де кури не запівають... де дзвони не задзвонюють» [Агапкина 1999: 245].

быличке говорится, что, когда смолкнут колокола, церковный сторож ведёт покойников к реке напиться, но, «как только зачнёт кочет полночь опевать», они опять «в свои могилки кидаются». На Вологодчине верили, что ночью на колокольне собираются черти и покидают её либо с первым криком петуха, либо с третьим ударом колокола [Там же: 249]. Хотя приведённые примеры взяты из восточнославянской традиции, проявляющееся в них значение колокольного звона и петушиного крика во многом может быть отнесено и к коми-пермяцкой сказочной прозе. В предании о золоте на Курэгкаре удар колокола, по всей видимости, снимает с клада заклятие, после чего тот может достаться человеку. Петушиное же пение «закрывает» клад, заставляет его «уйти», — подобно тому, как исчезают от этого крика потусторонние существа и наваждения (но поскольку сидящая в Курэгкаре птица сама является представителем иного мира, пение её не спасает жизнь незадачливого кладоискателя).

Другой редкий мотив, связанный с получением клада, зафиксирован у русских в Краснокамском районе Пермского края: «У [Большого] городища внизу озеро было. <...> Ну, там, где Фадиха в Чёрную впадает. На этом озере иногда выплывал сундук с кладом. И соответственно на этом сундуке была надпись, что этот клад вытациит тот, кто соберёт двенадцать петухов и вывезет его в запряжке. И один мужик так собрал петухов, всё, зацепил их, арканом ли чем закинул. Зацепил и потациил. И вот уже совсем к берегу подтягивает — и лиса выскочила и всех петухов перемолотила у него. И яцик обратно в воду ушёл и всё. <...> Пока мужик петухов собирал...» (зап. от Л. В. Печеницына, 1946 г. р., д. Залесная. Соб. Е. В. Чуйкина. 2017). Это произведение записано от одного и того же рассказчика дважды. В более раннем варианте, опубликованном в пересказе, имеются дополнительные детали: клад показывается в полночь, а перед тем, как его достать, нужно перекреститься «левой рукой наоборот» [Чуйкина, Гайдаш 2017]; в остальном мотивный состав предания стабилен.

Интересно указанное условие получения клада: сокровище «вытациит тот, кто соберёт двенадцать петухов и вывезет его в запряжке». Этот элемент

относится к группе мотивов, когда для овладения кладом нужно решить трудно-выполнимую задачу [Котельникова 2015: 196]. Число 12 является семиотически значимым и нередко фигурирует в славянских магических практиках [Толстая 2012: 545]. Символичное само по себе, в рассказе о кладе это количество птиц создаёт дополнительное препятствие для взятия сокровища. На деле условие оказывается вообще невыполнимым, потому что — без видимого нарушения со стороны кладоискателя — на петухов набрасывается лиса, и сундук снова погружается в озеро.

Пахота на петухе, петушиная лешадь и другие формулы невозможного. Нам не удалось пока найти прямых аналогов мотива «запрячь петухов». Однако в фольклорной прозе обнаруживаются тексты с близким мотивом, тоже имеющим значение трудной задачи, — «пахать на петухе»: «Вот один мужик клад клал. Кладёт и приговаривает: “Да ты лежи, мой клад, не показывайся, пока на петухе не поедут орать [пахать]”. А другой услышал: “Ну, говорит, давай я поеду на петухе пахать!” Соху сделал. Петуха растил здорового, кормил. Вот и поехал на петухе пахать. Клад показался, он-то и вынул его» (пинеж.) [Котельникова 1996: 89]. В другом варианте хозяин клада произносит такое заклятие: «Пусть лежит, пока не будут пахать на петухе» [там же: 46].

Почти такой же мотив встречается в фольклорной традиции коми, где он входит в предание о разбойниках, обладавших колдовской силой. Один колдун хитростью убивает другого — богатого разбойника Зука, — но когда спешит взять его сокровища, то слышит, как жена убитого их заговаривает: «“Вот тут двенадцать амбаров золота, серебра, меди и других ценностей, и достанутся они тому, кто распашет эту гору на совершенно чёрном петухе и проборонит на кошке той же масти...” До сих пор стоят эти богатства нетронутыми» [Му пуксём 2005: 163–164].

Рассматривая мотив пахоты на петухе, Н. Е. Котельникова указывает, что он представляет собой формулу невозможного: заведомо невыполнимое условие, что-то, что не может произойти. В преданиях о кладах такие формулы входят в заклятие, налагаемое на сокровище, при этом говорящий всегда предполагает невозможность осуществления сказанного

[Котельникова 2015: 192, 195]. В одном из вариантов пахота на птице трансформируется в ещё более затейливую задачу (герою удаётся решить её лишь благодаря совету находчивой жены): «...один богатый, но чрезвычайно скупой поп под день Ивана Купалы положил клад с таким заговором: “Достанься мой клад только тому, кто, трёх ден молоден, на кочете перепашет”. Приговор этот нечаянно подслушал бедный крестьянин, живший у попа в работниках <...>. Жена присоветовала ему следующее: “Сделай маленькую соху, и вот я беременна, — когда рожу, ты на третий день возьми младенца, петуха и соху; запряги петуха в соху, а младенца посади на петуха и, придерживая его рукой, перепаши то место”. Мужик сделал по совету жены, и тут же клад вышел к нему. Тотчас же мужик сташил его домой и зажил припеваючи, вследствие чего потомки его будто бы и доселе носят прозвище Скоробогатых» (орл.) [Власова 2008].

В фольклоре коми встречается близкий по смыслу завет на клад, который, вероятно, является развитием рассматриваемого мотива. Это пахота на *петушиной лошади* (*петук вёлён*). По сути перед нами метафора, которая может обозначать запряжённого петуха, но если понять её буквально, то задача становится невыполнимой: «А у них, у этой банды [чуди и их атамана-колдуна Туннырьяка], были хорошие ружья, винтовки и прочее. Всё это они спрятали в бору Камбал. В бору Камбал, говорят, имеется чудская яма, но никто не знает где. Если вспахать бор на петушиной лошади, то яма вскроется и оружие обнаружится. А откуда ж взять петушиную лошадь?» [Му пуксём 2005: 161]. В другом рассказе к этому условию присоединяется второе, тоже неосуществимое. Покидая шайку после убийства атамана, разбойники закапывают награбленное, заговаривая так: «Кто эту гривку вспашет на петушиной лошади (гривка примерно с километр, лесная гривка) и кто, держа в зубах мокрого после родов ребёнка, поднимется вниз головой на вершину дерева, тому тем кладом и пользоваться» [там же: 163].

Пахота на петухе как формула невозможного связана с заговорной традицией [Котельникова 2015: 195]. Аналогичное выражение встречается, к примеру, в русских текстах: «[Как] на курице не орать, на петуху не бороновать, так этой криви раба Божия не выходить» [ФСЛ 2009: 464]. Рассматривая формулы невозможного в заговорах, Т. А. Агапкина отмечает продуктивность этой структуры и показывает, что заговорно-заклинательная традиция, в свою очередь, заимствует новые мотивы из других фольклорных жанров, построенных на изображении невероятного: сатирических песен, небылиц⁵ и т. п. [Агапкина 2010: 179].

Примечательно, что в фольклорных рассказах о кладах также прослеживается связь со стихией комического. Это происходит в сюжетах, когда нечистая сила пытается забрать у человека добытое им сокровище (цветок папоротника, помогающий найти клад) и для этого заставляет нарушить молчание. Обычно обладателя ценного предмета пугают либо под видом знакомого заводят с ним разговор, но в некоторых случаях его смешат — и именно тем, что насылают неправдоподобное, невозможное в реальности видение. Так, перед героем внезапно появляется запряжённый петух, везущий воз сена: «...знал, что пугаться нельзя, ничё говорить нельзя. <...> Вышел к горушке <...>, смотрю, тут едет воз с сеном, а в телегу-ту петух запряжённый. Не стерпел да рассмеялся — и всё, как бросило меня...» (перм.) [Подюков 2004: 18]⁶.

Возвращаясь к мотиву пахоты на петухе, необходимо сказать, что он не является полностью вымышленным. Соответствия ему находят в восточнославянских обрядово-магических практиках, а именно в ритуальном опахивании села в случае эпидемии холеры. В Киевском уезде селение опахивали на простом петухе, в Волынской губернии — на петухе, кошке и собаке, которые должны быть чёрного цвета, у русских при опахивании чёрного петуха носили с собой [Гура, Узенева 2009: 29].

⁵ Ср. детскую дразнилку: «Катя, Катя, Катюха / Оседлала петуха, / Петух заржал, / На базар побежал» [Детская литература 2008: 62].

⁶ В таком сюжете может фигурировать курица: «...немного осталось мне до дома идти, вот едет курица, везёт сена воз. Я, говорит, рассмеялся и всё — цветок выпал, никакого счастья. Конечно, курица везёт воз сена, конечно, рассмеёшься!» (нижегород.) [ФДР 2016: 224].

Петушиная голова, петушиный крик, петушиное яйцо. Фигурирует петух и в группе рассказов о заклятых кладах, взять которые можно, только совершив ужасный грех, от инцеста до убийства. Финал таких рассказов вариативен: человек либо решается на требуемую жертву, либо отказывается от задуманного, либо находит остроумный способ обойти заклятие [Котельникова 2015: 193–194]. В последнем случае речь идёт о кладе на одну или несколько «человеческих голов» (его можно взять после гибели названного числа людей), — но человек, случайно узнавший условие, подменяет его: «перезаговаривает» клад (с «40 голов» на «40 колов») либо приносит в жертву животное или птицу. Подобный сюжет известен у русских-старобрядцев Литвы: свидетель, услышавший заклятие, к фразе «сто голов» тихонько добавляет «петушиных», — после чего может выполнить условие и завладеть сокровищем [ФСЛ 2009: 369–370]⁷. Иногда хозяин золота сразу налагает подобное заклятье (возможно, в расчёте, что про него никто не узнает): «Не достанься мой клад никому, кроме того, кто сто петухов зарежет» [Новичкова 1995: 226]⁸.

Интересный сюжет с заменой человеческой жертвы на «птичью» встречается в словацкой неказочной прозе. Здесь взять сокровище тоже помогает сообразительность кладоискателя: «Кто хочет овладеть кладом Яношика, должны привести с собой двенадцать родных братьев. У жителя села Детва были петух и курица. Курица высидела двенадцать петушков. Он взял их, пошёл с ними в ночь на Ивана Купала в пещеру и отдал там духу двенадцать братьев (петушков), а сам забрал клад» [Бога-тырёв 1962: 360; Котельникова 2015: 191].

У болгар считалось, что дух-«хозяин» клада сам сообщает, какая жертва ему нужна. Для этого место, где находилось сокровище, посыпали пеплом от бадняка. На следующий день на пепле должны были появиться следы, по которым

определяли, какую жертву нужно принести. Если видны следы животного или птицы — закальвали ягнёнка, барана или петуха, а если людские — полагали, что дух-«хозяин» клада просит взамен человеческую жизнь [Левкиевская 1999: 502].

Возможно, появление петуха в ряду других птиц и животных, которых убивают, чтоб взять клад, обусловлено ролью этой птицы в обрядности славянских народов, где петух выступает как типичная ритуальная жертва: масленичная, на окончание жатвы, строительная и др. Перед постройкой дома петуху отрубали голову и закапывали её на месте будущего переднего угла дома (рус.) либо клали под угловой камень (белорус.); требовалось, чтобы этот петух был чёрным (польск.); кровью убитого петуха окропляли место будущего дома, чтоб избежать скорой смерти кого-то из жильцов (черногор.); петуха живым закапывали под основание дома, чтобы здание не разрушалось (серб.) и т. д. [Гура, Узенёва 2009: 30].

Условием получения клада может быть его поиск с живым петухом. В Симбирской губернии бытовало представление, что найти сокровище можно с помощью *немого петуха*: «нужно привязать ему на шею *плакун-траву* и пустить на место, где предполагается клад: как только станет петух на место клада, тотчас закричит» [Аристов 1867: 724]. В Саратовской губернии с этой птицей искали *разрыв-траву*, с помощью которой, как полагали, можно находить клад. Для этого вечером «под Ивана Купалу надо поймать петуха и держать его под платьем, в котором намерен идти за травой»; когда стемнеет, птицу нужно под полой нести в лес и, как только она пропоёт три раза, рвать «вспыхнувшую» разрыв-траву. После этого, несмотря на видения, напускаемые нечистой силой, следует идти домой, ни с кем не разговаривая и не оглядываясь [Минх 1890: 29–30]. С петухом ходили также за цветком папоротника: сорвав цветок, сразу заставляли

⁷ Аналогичный сюжет есть у литовцев: старик прячет деньги с заклятием, что их возьмёт тот, кто положит девять / двенадцать голов; наблюдающий спрашивает, достаточно ли положить головы петухов / воробьёв, но старик отвечает, что нужны человеческие головы. Наблюдающий возражает, и тот соглашается, что подойдут любые. Герой кладёт петушины / воробьиные головы на место с кладом и забирает его [Кербелите 2001].

⁸ В роли жертвы-заменителя часто выступает и курица: человек берёт клад, подложив куриную голову [Смирнов 1921: 20], меняет заклятие со «ста голов людских» на «сто голов куриных» [МРРК 2015: 375] и т. п.

птицу запеть, чтобы не задушила нечистая сила [Новичкова 1995: 236].

Петушиным пением определялось время «выхода» и исчезновения кладов. В вятской несказочной прозе встречается мотив, когда закопанные деньги начинают светиться после вечернего пения кочетов: «...мы запаслись мешком да лопатой и отправились в лес, когда стало темнеть. <...> Пришли на веретю и дожидаем петухов. Слышим — поют. Оглядываемся по сторонам, а неподалёку от нас на бугре горит огонь, такой маленький да синенький» [УИПВК 2009: 265]. В поволжских преданиях о кладах Степана Разина также сообщается, что они появляются, когда запоёт петух [Соколова 1970: 202]. В вятском рассказе о Шевнинском городище, где якобы спрятана железная бочка с золотом, говорится, что иногда клад «настукивает», и происходит это «в ночь на Святую Пасху до первого пения полуночных петухов» [Там же: 266]. В записи из Великолукской губернии ловкий парень ищет клад до первых кочетов в ночь на Ивана Купалу: «...он с разными причитами и приговорками начал копать в кургане <...>. И до петухов успел добраться до котла чугунного, с серебряною монетою» (однако позднее клад превратился в угли, а сторож сокровищ довёл парня до смерти) [МРРК 2015: 396–397].

С Купальской ночью и цветком папоротника, который помогает «раскрыть» клады, устойчиво связывается свой орнитоморфный мотив. Рвать цветок нужно в таком месте, где не слышно петушиного крика: «Надо уйти в этот папоротник, чтоб петухов было не слышно. Уходят и садятся» (костром.); «Если хочешь заниматься чародейством, надо идти в лес на Ивана Купайло далеко за село, чтоб не было слышно пивней, когда они поют... И если папороть расцветёт ихватишь... потом любую вещь себе можно подумать и сделать. Но всё — худое» (полес.) [Агапкина 2002: 549]. Это общерусское предание распространено и в Прикамье: «На Иванов день за папоротником ходят. Идти надо далеко, чтоб ни собак, ни петухов не слышно было» (куедин.); «На Иванов день папоротник цветёт, его ищут. Надо уйти далеко в лес, чтобы петухов

не слышать» (карагай.) [Черных 2016: 271, 275]. Неслучайно нечистая сила старается отобрать или выманить найденный цветок до первых петухов, т. к. после их пения ночные видения исчезают. Одному крестьянину, спешащему домой, у калитки встречается «барин»: «Поддай мне цветок: клад найдём, вместе разделим». Обрадовался холоп, что барин хочет клад вместе разделить, подал цветок, и вдруг барин провалился сквозь землю, цветка не стало и петухи запели» [Котельникова 1996: 74].

Отсутствие петушиного пения — один из признаков потустороннего пространства, лишённого обычных для крестьянского слуха звуков. В славянских заговорах болезнь отправляют туда, где «ничего не происходит», в том числе не кричат петухи и не кудахчут куры [Агапкина 2010: 122]. Эти формулы известны у всех трёх групп славянских народов⁹:

«Там вас отсылаю... где чорный кур не допоёт» (галицко-русск. рукопись XVIII в.);

«Ідзі ты, балячухно... дзе пеўнеў голас не заходзіць» (белорус.);

«Зайіди собі... на болота, на сухі ліса... де півні не співають» (укр.);

«Дето петли не пеят, кокошка не куца» [где петухи не поют, курица не хромает] (болгар.);

«Одлази у неврат... где петао не пева» [Уйди в безвозвратность, где петух не поёт],

«Д'идеш у девету земљу... где пет'л не поје» [Иди в девятую землю, где петух не поёт] (серб.);

«Тамо се поверни град свој, кади... ни петехи не роју, ни звону не звоне» [Возвращайся в свой город, где петухи не поют, колокола не звонят] (хорват.);

«Аmpак појдите на високе planine, kjer... petelin ne zapoje» [Но идите на высокие горы, где петух не запоёт] (словен.);

«de slonko nezašviti, ...dzvony nezadvoňat, kohut nezašpivat» [где солнце не засветит, колокола не зазвонят, петух не запоёт] (словацк.);

«Ustap, bólu, na góry, na lasy... Tam cie wiatер nie owieje, ani kogut nie opieje» [Ступай, боль, на горы, в леса. Там ни ветер не овеает, ни петух не опекает] (польск.) [Агапкина 2008: 16–19; Агапкина, 2010: 122, 125–126; Раденковић 1986: 212].

⁹ Встречается это выражение и за пределами славянского ареала — к примеру, в заговорах албанцев и румын, см. [Раденковић 1986: 213–214].

Т. А. Агапкина полагает, что этот мотив, переходя из одного фольклорного жанра в другой, претерпевает инверсию: из формулы невозможного в заговорах он превращается в «формулу-требование» в быличках о добывании чудесных растений [Агапкина 2002: 550].

Петух (а также тесно связанные с ним курица и яйцо) вообще достаточно часто включается в формулы невозможного. Едва ли не самая известная встречается в народных христианских легендах и приурочена к воскресению Христа: герой, которому сообщили о чуде, обещает поверить, если жареный петух запоёт, — после чего жареный (вариант: с отрубленной головой) петух взлетает и кукарекает [У истоков мира 2014: 179, 320–322]. Своего рода формулы невозможного входят и в состав поговорок, обычно в форме отрицания или как пример крайне редкого случая: «Не петь курице петухом, а и спеть, так на свою голову»; «Кому поведётся, у того и петух несётся» и т. п. [Максимов 1890: 151]. Если невозможное всё же происходит, считается, что это «не к добру». Курица поёт по петушинуму «к покойнику» или другому несчастью, поэтому ей могли отрубить голову (Там же: 152; Узенёва 2006: 34). Из снесённого такой птицей яйца появляется особый демонологический персонаж, обозначаемый в литературе как дух-обогатитель. По другой версии, он выпаривается из петушиного яйца (которое сносит старый петух, проживший 5, 7 или 9 лет)¹⁰. Этот дух имеет змеевидный облик, но может выглядеть как чёрный или белый петух, начинает петть ещё в яйце, умеет летать, живёт в печной трубе и т. д.; своему хозяину он приносит еду и богатства, украденные у других людей [Гура, Узенёва 2009: 30].

Представления о духе-обогатителе являются общеславянскими; зафиксированы они и на Русском Севере [ММИ 2015: 101–113]. По одной из версий, из яйца, снесённого кочетом, вылупляется огненный петух, способный сжечь дом, — но он же помогает обнаружить сокровище: «может <...> загореться где-то свеча,

и под той свечой ты найдёшь клад. <...> (От огненного петуха?) Да». Магическими свойствами наделяется и само петушиное яйцо: «...с тем яйцом если пойдёшь, то в лесу... ну, где-то в каком-то месте, не обязательно в лесу... может загореться свечка. <...> В том месте ты выкопаешь клад» (арханг.) [Там же: 113]. В приведённых примерах актуализируются демонические свойства, приписываемые петуху.

ПЕТУХ КАК ВОПЛОЩЕНИЕ ИЛИ ЗНАК КЛАДА

Живая персонификация спрятанных сокровищ. Ещё одна группа орнитоморфных мотивов связана с обличьем, в котором богатство является людям. В таких сюжетах клад приобретает черты мифологического персонажа: наделяется способностью двигаться, говорить, воздействовать на человека, оборачиваться предметами или живыми существами [Котельникова 2004: 61–62]. Он может «выйти» в виде курицы, кошки, телёнка, коровы, овцы и т. д., — но одним из самых частотных образов, выступающих как персонификация клада, без сомнения, оказывается петух¹¹: «Один мужик говорит: “Как только выйдет часов десять, так, — говорит, — петух по избе заходит. Я, — говорит, — погляжу — ходит петух по избе? Да что это такое у меня?”» [Котельникова 1996: 64]; «Как стемнеет, петух поёт, из-под пола откуда-то выходит и поёт. Пошли с лампой смотреть, открыли — нету никого. <...> Хозяйка за чем-то ушла, соседка клад и выкопала» (перм.) [БиБ 1991: 204–205]. В вятском предании в образе петуха или всадника появляется клад, зарытый на городище: «Вал высокий и длинный, на обоих концах его, по рассказам старожилов, были когда-то железные двери, на самой середине вала отверстие <...>. По преданию, в валу заключён клад, являющийся то петухом, то всадником» [УИПВК 2009: 59–60]. В уральском горнозаводском фольклоре золото даёт о себе знать петушиным пением: «Речка Берёзовка есть — тоже рассказывали. Так там всё петух пел. Потом попадали на самородки — как есть петушок» [ПЛУ 1991: 100].

¹⁰ В некоторых районах восточнославянской зоны петушиным называлось последнее яйцо, снесённое старой курицей. Его воспринимали как знак беды и уничтожали [Виноградова 2016: 254].

¹¹ По наблюдению Н. А. Криничной, клад появляется в образе животных и птиц, которых в восточнославянской обрядности могли приносить в жертву [Криничная 1977: 109].

Чтобы взять такой клад, достаточно ударить петуха, но сделать это нужно правильно (палкой / левой рукой / наотмашь / со специальными словами и т. д.): «К одной калужской нищенке, в то время как она шаталась по селу, приставал петух, тербил её за подол, совался под ноги: ударила его старуха палкой — и рассыпался петух деньгами» [Максимов 1903: 171]. Двухлетний ребёнок ударил ложкой подскочившего к нему петуха — насыпалась куча монет (укр.) [Соколова 1970: 192]. Аналогичные рассказы зафиксированы у литовцев: когда взрослые уходят из дома, из-под печки вылезает красный петух и играет с детьми; по совету старших дети бьют странное существо — оно рассыпается деньгами [Кербелите 2001].

По научно-популярной публикации известны истории о кладах, бытующие у русских жителей Казахстана. Здесь клад появляется в виде катящегося бубна с золотыми палочками, за которым идёт петух и склёвывает золотые монеты; жадная старуха бросает в него скалку — петух рассыпается на множество пуговиц. К другой женщине клад выходит на завалинку в виде петуха с большой головой, она из жалости кормит «золотушную» птицу крошками — он рыгает ей в ладони золотым песком (чтоб «удержать» клад, женщина покупает конфет и раздаёт детям) [Цыбин 1994].

Петух как признак закопанного богатства зафиксирован в фольклоре язьвинских пермяков, проживающих в Красновишерском р-не Пермского края: «Где клад, видимо, выходит петухи поёт в том месте что ли. Вот это я где-то слышала, у старых же, наверно. <...> Мне просто смешно было: Господи, петух ночью запоёт, с ума сойдёшь, убежишь куда-нибудь! Чё-то он [знакомый] рассказывал, что в доме где-то, видимо, вот тоже вот так происходило. <...> Да, да, выходит, говорит, ходит... по полу и поёт <...>. Прямо дома. Ну, видимо, где был клад, и ему уже надоело, говорит, лежать, и вот петухом он превратился, в петуха, и зовёт, чтобы его достали» (зап. от А. И. Ваньковой, 1942 г. р., с. Верх-Язьва. Соб. М. А. Брюханова. 2018); «Да тоже один мужик рассказывал, что его дед или что ли <...> видит — петух в огороде ковыряется, петух. И в этом месте клад кто-то находил, какие-то монеты <...>. Или показалось,

как петух роет, — а там ведь клад» (зап. от Н. И. Ванькова, 1953 г. р., с. Верх-Язьва. Соб. М. А. Брюханова. 2018).

Сходные истории рассказывают и в русских деревнях Красновишерского р-на. Иногда «ненастоящую» природу петуха выдаёт его появление в неурочное время в необычном месте: «Вот в Нижней Бычиной, она старая деревня самая, и всё-таки такое мнение, <...> [что] где-то в деревне или около деревни, здесь и есть клад. <...> Амбар стоит на самом углу этого [проулка] <...>. И вот видели неоднократно зимой петух. Бабы пошли полоскаться на родник, уже под вечер, уже почти стало солнышко ниже. Петуха на амбаре видят — ну какой зимой петух на амбаре!» (зап. от Л. С. Бычина, 1965 г. р., д. Палёва. Соб. М. А. Брюханова. 2018. ФА ПГНИУ).

Петухи золотые, красные, нарисованные на камне. В рассказах о кладах, появившихся в образе животных или птиц, может отмечаться их масть. Цвет обычно объясняется соответствием спрятанному металлу: жёлтый — золоту, белый — серебру [Криничная 1977: 109; Котельникова 2004: 59]. Иногда на месте сокровища видят золотого петуха: «Лежу и лежу. Вдруг, чу, смотрю — люк-то из подполья поднимается, а оттуда выходит петушок, да золотой весь» [Смирнов 1921: 4–5]; «В Афонинном логу дело было. Там тётенька шла часов в 11, золотого петуха увидела. Смотрит — золото лежит» (перм.) [ФА ПГНИУ]; «Женщина случайно увидела у дороги золотистого петушка, но не обратила внимания. Увидела второй раз и подумала, что таких в округе нет» [Котельникова 1996: 60]. Клад в образе золотого петуха встречается и коми-пермяцкой несказочной прозе [Голева 2014: 70].

Иногда птица бывает красной. Такие варианты неоднократно фиксировались в Пермском крае: «В углу стоит петух красный. А у нас были курицы, петуха не было. Мама спит, отец спит, я захожу — петух красный стоит. И боюсь зайти — вот петух-то меня щас клюнет. <...> Дак ведь надо было его разбить. Надо зачурать» (черд.) [БиБ 1991: 206]; «И вот один распознал всё это, пошёл на клад, а клад петухом превратился. Петух вот поёт и поёт. Красный петух. А мужик поймал петуха, взял, раз, — а горшок

и рассыпался. Ну, прежде-то сто колов вырубил, только потом и петух вышел» (юрл.) [Бахматов и др. 2003: 320]. Клад, давшийся в руки, может принести несчастье своим владельцам, как в коми-пермяцком сюжете: «Эта Марина боронила на том поле и увидела красного петуха. Она слезла, смотрит — кувшин с монетами золотыми. Подобрала его и родителям передала. Это клад? Видимо, клад. И все пострадали, кто им пользовался» (зап. от В. З. Крохалёвой, 1926 г. р., с. Крохалёво Юсьвинского р-на. Соб. Е. М. Четина, С. Ю. Королёва. 2002. ФА ПГНИУ)¹².

Красный цвет возникает в этом контексте закономерно: в нём проявляется «огненная» природа петуха, ярко выраженная в фразеологическом фонде языка («пустить красного петуха» — о поджоге) и загадках об огне: «Красный петушок по жёрдочке бежит» (рязан.), «Красненький певник по жерточки ходя» (могилёв.) [Гура, Узенёва 2009: 28]. Не случайно в одном из рассказов о кладах появляется огненный петушок, кукареканьем указывающий на сокровище [МРПК 2015: 784]. В научно-популярной работе упоминается клад, вышедший в виде красного петуха с горящей свечкой на голове: «Слышу — что-то затрещало в стене, посыпалась штукатурка. Вижу, мимо меня бежит петух весь красный и на лбу горящая свеча. Врасплох схватился я за свечку — она тут же погасла, а в руках у меня осталось пять золотых монет» (стан. Самсоновская, Киргизия) [Цыбин 1994]. Красный (огненный) петух — персонификация сокровища, которая почти буквально отражает способность кладов *гореть*: светиться, появляться в виде огня и огоньков, зажжённой свечи, огненных языков и т. п. [Соколова 1970: 190–191; Левкиевская 1999: 501; Агапкина 2002: 568]. Красный цвет может также намекать на демоническую природу клада и того существа, вид которого он принимает¹³.

О наличии устойчивой связи между спрятанным сокровищем и петухом свидетельствует русский сюжет, когда приснившаяся птица интерпретируется как

знак клада: «...у нас здесь был старый дом, они его убрали, построили вот этот. И она [сестра отца] говорила: “Вот там должно быть что-то спрятано, потому что я видела якобы во сне, что вот на этом месте ходит петух”. <...> <Соб.: А пытались искать?> Да, под полом, в голбце» (красновиш.) (зап. от В. В. Маринкиной, 1957 г. р., д. Н. Бычина. Соб. С. Ю. Королёва. 2018. ФА ПГНИУ).

Закономерно появление этой птицы на кладовых камнях. На такие валуны наносились надписи или рисунки — к примеру, гусятая лапа [Аристов 1867: 723; Криничная 1977: 107–108]. Изображались на них и петухи: «При том же погосте есть два камня красные, выбиты на них петухи — один на одного глядит, — под ними по кубу денег золотых» (олонец.) [Криничная 1991: № 155]; «Да на камне где-то выбит петух, под этим камнем пистолет закапан, но мы не нашли» (псков.) [Казакова 2013: 76]. Высказывалось предположение, что такие изображения могут быть родовыми знаками собственности [Криничная 1977: 108]. Однако, учитывая устойчивую символическую связь между петухом и кладом в традиционной культуре, рисунок этой птицы на камне «прочитывается» как довольно прямое указание на спрятанное сокровище.

В несказочной прозе о кладах реализуются, таким образом, несколько вариантов воплощения образа петуха. Он может выступать как птица-страж «заклятого» богатства. Иногда петух упоминается в условии получения клада в составе трудного задания, формулы невозможного (пахать на петухе, пегушинная лошадь). Птицей заменяется человеческая жертва, необходимая для взятия клада, либо найти спрятанное сокровище помогает живой петух (кричит там, где зарыто золото). Пением петуха определяется время появления и исчезновения сокровищ. Заполучить цветок папоротника можно там, где не слышно петухов. Птица может выступать как персонифицированный клад, в этом случае значение приобретает её цвет (золотой, красный); подобные мотивы типичны для рассказов о «выходящих»

¹² Красного и золотого цвета бывают в аналогичных сюжетах и другие животные и птицы, в т. ч. курица [Смирнов 1921: 4–5; Криничная 1977: 119].

¹³ Ср.: в чешской «Духовной книге» 1588 г. рассказывается, как чёрт появился в виде летящего в небе огненного петуха и изрыгнул пламя на местный костёл [Виноградова 2016: 80].

кладах. Знаком спрятанного богатства становится петух, нарисованный на кладовом камне. Высокая символическая нагруженность и популярность в мифологической прозе наделяют образ петуха большим потенциалом для реализации в редких, возможно, единичных, текстах

(12 петухов в запряжке, петух на воротах с колоколом). Сведения о ритуально-магических практиках и мифологических представлениях, связанных с этой птицей, помогают прояснить генезис и семантику отдельных «петушиных» мотивов в рассказах о кладах.

Сокращения

ФА ПГНИУ — фольклорный архив филологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета.

Источники и материалы

Агапкина 1999 — Агапкина Т. А. Вещь, образ, символ: колокола и колокольный звон в традиционной культуре славян // Мир звучащий и молчащий. Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян / Отв. ред. С. М. Толстая. М., 1999. С. 210–282.

Агапкина 2002 — Агапкина Т. А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002.

Агапкина 2008 — Агапкина Т. А. «...Где птицы не залетают, где звери не забегают» (об одном мотиве восточнославянских заговоров) // Етнолингвистика проучавања српског и других словенских језика. У част акад. С. Толстој / Уред. П. Пипер, Љ. Раденковић. Београд, 2008. С. 15–23.

Агапкина 2010 — Агапкина Т. А. Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении. Сюжетика и образ мира. М., 2010.

Аристов 1867 — Аристов Н. Я. Предания о кладах // Записки РГО по отд. этнографии. Т. 1. СПб., 1867. С. 707–739.

Бахматов и др. 2003 — Бахматов А. А., Подюков И. А., Хоробрых С. В., Черных А. В. Юрлинский край: Традиционная культура русских в к. XIX — перв. пол. XX вв. Кудымкар, 2003.

Богатырёв 1962 — Богатырёв П. Г. Формула невозможного в славянском фольклоре // Славянский филологический сборник. Уфа, 1962. С. 347–363.

БиБ 1991 — Былички и бывальщины: старозаветные рассказы, записанные в Прикамье / Сост. К. Э. Шумов. Пермь, 1991.

Виноградова 2016 — Виноградова Л. Н. Мифологический аспект славянской фольклорной традиции. М., 2016.

Власова 2008 — Власова М. Н. Энциклопедия русских суеверий. СПб., 2008. URL: <https://profilib.net/chtenie/38800/marina-vlasova-entsiklopediya-russkikh-sueveriy-78.php> (дата обращения: 03.08.2018).

Голева 2014 — Голева Т. Г. Петух и курица в традиционной культуре коми-пермяков // Вестник Пермского гос. гум.-пед. ун-та. Сер. 3: Гуманитарные и обществ. науки. 2014. № 1. С. 60–74.

Грибова АKNЦ — Грибова Л. С. Чудь по коми-пермяцким преданиям и верованиям (Этнографический материал, собранный в Пермской обл.). Личный фонд Л. С. Грибовой. Научный архив КомиНЦ УрО РАН. Ф. 11. Д. 1. Оп. 54.

Гура, Узенёва 2009 — Гура А. В., Узенёва Е. С. Петух // Славянские древности: Этнолингв. словарь / Отв. ред. С. М. Толстая Т. 4. М., 2009. С. 28–35.

Детская литература: Уч. пос. / Под ред. Е. О. Путиловой. М., 2008.

Казакова 2013 — Казакова Л. А. Предания о кладах (по материалам фольклорного архива ПсковГУ) // Вестник Псковского гос. ун-та. Сер. Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. 2013. № 3. С. 73–80.

Кербелите 2001 — Кербелите Б. Типы народных сказаний. Структурно-семантическая классификация литовских этиологических, мифологических сказаний и преданий. СПб., 2001. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/kerbelite5.html> (дата обращения: 08.08.2018).

Криничная 1977 — Криничная Н. А. Историко-этнографическая основа преданий о «зачарованных кладах» (по материалам русских северных преданий) // Советская этнография. 1977. № 4. С. 105–111.

Криничная 1991 — Криничная Н. А. Предания Русского Севера. СПб., 1991. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/pre/dan/iya/index.htm> (дата обращения: 01.08.2018).

Котельникова 1996 — Котельникова Н. Е. Состав несказочной прозы о кладах и её традиционная образность в жанрообразующем отношении: Дисс... канд. филол. наук. М., 1996.

Котельникова 2004 — Котельникова Н. Е. «Это клад попалал нам...» (облик клада в фольклорной прозе) // Традиционная культура. 2004. № 3. С. 56–62.

Котельникова 2015 — Котельникова Н. Е. Формула невозможного в русских фольклорных рассказах о кладах // Функционально-структуральный метод П. Г. Богатырёва в современных исследованиях фольклора / Отв. ред. С. П. Сорокина, Л. В. Фадеева. М., 2015. С. 190–198.

Левкиевская 1999 — Левкиевская Е. Е. Клад // Славянские древности: Этнолингв. словарь / Отв. ред. С. М. Толстая Т. 2. М., 1999. С. 500–502.

Максимов 1890 — *Максимов С.* Крылатые слова. СПб., 1890.

Максимов 1903 — *Максимов С. В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903.

ММИ 2015 — Между мифом и историей. Мифология пространства в фольклоре Русского Севера / Сост. А. Б. Мороз, Н. В. Петров. М., 2015.

Му пуксьём 2005 — Му пуксьём — сотворение мира. Мифология народа коми / Авт.-сост. П. Ф. Лимеров. Сыктывкар, 2005.

Минх 1890 — *Минх А. Н.* Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии. СПб., 1890.

МРРК 2015 — Мифологические рассказы русских крестьян XIX—XX вв. / Сост. М. Н. Власова. СПб., 2015.

Новичкова 1995 — *Новичкова Т. А.* Русский демонологический словарь. СПб., 1995.

Подюков 2004 — *Подюков И. А.* Карагайская сторона. Народная традиция в обрядности, фольклоре и языке. Кудымкар, 2004.

Пономарёва 2016 — *Пономарёва Л. Г.* Речь северных коми-пермяков. М., 2016.

ПЛУ 1991 — Предания и легенды Урала: Фолькл. рассказы / Сост. В. П. Кругляшова. Свердловск, 1991.

Раденковић 1986 — *Раденковић Љ.* Место истеривања нечисте силе в народним бајанјима словенско-балканског ареала // Гласник Етнографског музеја у Београду. 1986. Књ. 50. С. 201–222.

Смирнов 1921 — *Смирнов В.* Клады, паны и разбойники // Труды Костромского науч. общества по изучению местного края. 1921. Вып. XXVI.

Соколова 1970 — *Соколова В. К.* Русские исторические предания. М., 1970.

Толстая 2012 — *Толстая С. М.* Число // Славянские древности: Этнолингв. словарь / Отв. ред. С. М. Толстая Т. 2. М., 1999. С. 544–547.

У истоков мира 2014 — У истоков мира: Русские этимологические сказки и легенды / Сост. О. В. Белова, Г. И. Кабакова. М., 2014.

Узенёва 2006 — *Узенёва Е. С.* Петух в традиционной народной культуре Полесья // Живая старина. 2006. № 4. С. 33–34.

УИПВК 2009 — Устная историческая проза Вятского края / Сост. Ю. В. Приказчикова. Ижевск, 2009.

ФДР 2016 — Фольклор Дивеевского района Нижегородской области. Т. 1, ч. 1. / Сост. Ю. М. Шеваренкова, Н. Б. Храмова. Н. Новгород, 2016.

ФСЛ 2009 — Фольклор старообрядцев Литвы. Т. 2: Народная мифология. Поверья. Бытовая магия. Сост. Ю. Новиков. Вильнюс, 2009.

Черных 2016 — *Черных А. В.* «Цвет папоротника» и представления о его чудесных свойствах в русских традициях Прикамья // Демонология и народные верования / Сост. А. Б. Ипполитова. М., 2016. С. 267–278.

Цыбин 1994 — *Цыбин В.* Заговорённые клады и клadoискатели. Предания старины и новины. М., 1994. URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/1048804/Cybin_-_Zagovorennnye_klady_i_kladoiskateli._Predaniya_stariny_i_noviny_zagovorennnye.html (дата обращения: 08.08.2018).

Чуйкина, Гайдаш 2017 — *Чуйкина Е. В., Гайдаш О. Г.* «Потерянное» городище (опыт обретения) // Открытый текст. 2017. 28 дек. URL: <http://www.opentextnn.ru/history/archaeology/?id=6942> (дата обращения 18.03.2018).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Королёва С. Ю. orcid.org/0000-0003-4246-907X

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы

Пермского государственного национального исследовательского университета:

Российская Федерация, 614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15; тел. +7 (342) 2-396-374;

E-mail: petel@yandex.ru

Беломестнова А. С. orcid.org/0000-0002-8736-408X

аспирантка кафедры русской литературы

Пермского государственного национального исследовательского университета:

Российская Федерация, 614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15; тел. +7 (342) 2-396-374;

E-mail: n_belomestnova@mail.ru

IMAGE OF ROOSTER IN FOLK LEGENDS ABOUT HOARDS (BASED ON RUSSIAN, KOMI AND KOMI-PERMYAK TEXTS)

SVETLANA YU. KOROLYOVA, ANASTASIA S. BELOMESTNOVA

(Perm State University: 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia)

Summary: *Image of rooster in folk legends about hoards realizes in several general variations: as a treasure sentinel, as a figure of texts about hoard receiving condition or as personification of hoard. Motifs, connected with treasure receiving condition, are the most various. Operations with rooster are the part of difficult task or formula of the impossible (plough on rooster, 'rooster horse'). This bird can be used for human victims replacing. A rooster alive can help to find hoard. Rooster singing determines the period when treasures appear and disappear. It is also possible to get "fern flower" in places where rooster's singing cannot be heard. Semiotic significance and popularity of rooster image in folk legends determine its high potential for realization in rare and unit plots. The extended information about ritual and magic practices, connected with rooster, gives opportunity to show genesis and semantics of single "rooster's motifs".*

Keywords: folk legends, hoard, rooster, "formula of the impossible".

Acknowledgements. *The study is financially supported by grant of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 16-34-00007-OGH "History of the Northern Prikamye in the mirror of folklore (based on publications of XIX – early XX centuries)".*

References

Agapkina T. A. (1999) Veshch', obraz, simbol: kolokola i kolokol'nyy zvon v traditsionnoy kul'ture slavyan [Thing, image, symbol: bells and chime in Slavic traditional culture]. *Mir zvuchashchiy i molchashchiy. Semiotika zvuka i rechi v traditsionnoy kul'ture slavyan* [Sounding and silent world. Semiotics of sound and speaking in traditional culture]. Ed. by S. M. Tolstaya. Moscow. 1999. Pp. 210–282. In Russian.

Agapkina T. A. (2002) Mifopoeticheskiye osnovy slavyanskogo narodnogo kalendarya. Vesenne-letniy tsikl [The mythopoetic basis of Slavic Folk calendar]. Moscow. 2002. In Russian.

Agapkina T. A. (2008) «...Gde ptitsy ne zaleyatuy, gde zveri ne zabegayut» (ob odnom motive vostochnoslavyskikh zagovorov) [“Where the birds don't fly, where the animals don't run” (about the one motif of East Slavic incantations)]. *Etnolingvistikha prouchavanya srpskoga i drugikh slovenskikh jezika* [Serbian and other Slavic languages ethnolinguistic studies]. Ed. by P. Piper, L. Radenkovich. Belgrade. 2008. Pp. 15–23. In Russian.

Agapkina T. A. (2010) Vostochnoslavyskiye lechebnyye zagovory v sravnitel'nom osveshchenii. Syuzhetika i obraz mira [East Slavic healing incantations in comparative analysis. Plot and the world image]. Moscow. 2010. In Russian.

Aristov N. Ya. (1867) Predaniya o kladah [Legends about hoards]. *Zapiski RGO po otd. etnografii* [Russian Geographic Community scientific notes about ethnography]. Vol. 1. St. Petersburg. 1867. Pp. 707–739. In Russian.

Bakhmatov A. A., Podyukov I. A., Khorbrykh S. V., Chernykh A. V. (2003) Yurlinskiy kray: Traditsionnaya kul'tura russkikh v k. XIX – perv. pol. XX vv. [Yurla area. Traditional Russian culture of the late 19 – 20th centuries]. Kudymkar. 2003. In Russian.

Belova O. V., Kabakova G. I. (comps. and eds.) (2014) U istokov mira: Russkiye etnologicheskiye skazki i legendy [The dawn of world. Russian etiological tales and legends]. Moscow. 2014. In Russian.

Bogatyryov P. G. (1962) Formula nevozmozhnogo v slavyanskom fol'klore [The formula of impossible in Slavic folklore]. *Slavyanskiy filologicheskii sbornik* [Slavic philological anthology]. Ufa. 1962. Pp. 347–363. In Russian.

Chernykh A. V. (2016) ‘Tsvet paporotnika’ i predstavleniya o ego chudesnykh svoystvakh v russkikh traditsiyakh Prikam'ya [‘Fern flowering’ and ideas about its magical properties in Russian traditions of Kama region]. *Demonologiya i narodnyye verovaniya* [Demonology and folk beliefs]. Ed. by A. B. Ippolitova. Moscow. 2016. Pp. 267–278. In Russian.

Chuykina E. V., Gaydash O. G. (2017) ‘Poteryannoye gorodishche (opyt obreteniya) [‘Lost’ hill foart (the experience of acquiring)]. <<http://www.opentextnn.ru/history/archaeology/?id=6942>>. In Russian.

Goleva T. G. (2014) Petukh i kuritsa v traditsionnoy kul'ture komi-permyakov [Rooster and chicken in traditional Komi-Permyak culture]. *Vestnik Permskogo gos. uni.-ped. un-ta. Ser. 3: Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki* [Perm State Humanitarian Pedagogical University bulletin].

tin. Ser. 3: Human and Social sciences]. 2014. №1. Pp. 60–74. In Russian.

Gribova L. S. Chud' po komi-permyatskim predaniyam i verovaniyam (Etnograficheskiy material, sobrannyi v Permskoy obl.) [Chud' in Komi-Permyak legends and beliefs (ethnographic material, collected in Perm region)]. *Lichnyy fond L. S. Gribovoy. Nauchnyy arkhiv KomiNTS UrO RAN* [L.S. Gribova's fund. Scientific archive of Komi Scientific Center of Ural branch of RAS]. In Russian.

Gura A. V., Uzenyova E. S. (2009) Petukh [Rooster]. *Slavyanskiye drevnosti: Etnolingv. slovar'* [Slavic antiquities: Ethno-linguistic dictionary]. Ed. by S. M. Tolstaya. Vol. 4. Moscow. Pp. 28–35. 2009. In Russian.

Kazakova L. A. (2013) Predaniya o kladakh (po materialam fol'klornogo arkhiva PskovGU) [Legends about hoards (folklore archive records)]. *Vestnik Pskovskogo gos. un-ta. Ser. Sotsial'no-gumanitarnyye i psikhologo-pedagogicheskiye nauki* [Pskov State University bulletin. Ser. Social and Human, Psychology and Pedagogical Studies]. 2013. № 3. Pp. 73–80. In Russian.

Kerbelite B. (2001) Tipy narodnykh skazaniy. Strukturno-semanticheskaya klassifikatsiya litovskikh etiologicheskikh, mifologicheskikh skazaniy i predaniy [Legend types. The Structural and Semantic classification of Lithuanian etiological mythological legends]. St.Peterburg. 2001. <<http://www.ruthenia.ru/folklore/kerbelite5.html>>. In Russian and English.

Kotel'nikova N. E. (1996) Sostav neskazochnoy prozy o kladakh i eyo traditsionnaya obraznost' v zhanroobrazuyushchem otnošenii: Diss... kand. filol. nauk [Structure of not-fairy proze about hoards and its traditional imagery in genre-defining aspect. Dissertation for the degree of PhD]. Moscow. 1996. In Russian.

Kotel'nikova N. E. (2004) «Eto klad popadal nam...» (oblik klada v fol'klornoy proze) ['This treasure came to us': hoard appearance in folk proze]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional culture]. 2004. № 3. Pp. 56–62. In Russian.

Kotel'nikova N. E. (2015) Formula nevozmozhnoy v russkikh fol'klornykh rasskazakh o kladakh [The formula of impossible in Russian folk stories about hoards]. *Funktsional'nostrukturnal'nyy metod P. G. Bogatyryova v sovremennykh issledovaniyakh fol'klora* [Bogatyrev's functional and structural method in contemporary studies of folklore]. Ed. by S. P. Sorokina, L. V. Fadeeva. Moscow. 2015. Pp. 190–198. In Russian.

Krinichnaya N. A. (1977) Istoriko-etnograficheskaya osnova predaniy o «zacharovannykh kladakh» (po materialam russkikh severnykh predaniy) [Historical and ethnographic foundation of legends about 'charmed hoards']. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography]. 1977. № 4. Pp. 105–111. In Russian.

Krinichnaya N. A. (1991) Predaniya Russkogo Severa [Russian North legends]. St.Peterburg. 1991. <<https://www.booksite.ru/fulltext/pre/dan/iya/index.htm>>. In Russian.

Kruglyashova V. P. (comp. and ed.) (1991) Predaniya i legendy Urala: Fol'k. rasskazy [Ural legends: folk narratives]. Sverdlovsk. 1991. In Russian.

Levkiyevskaya E. E. (1999) Klad [Hoard]. *Slavyanskiye drevnosti: Etnolingv. slovar'* [Slavic antiquities: Ethno-linguistic dictionary]. Ed. by S. M. Tolstaya. Vol. 2. Moscow. 1999. Pp. 500–502. In Russian.

Limerov P. F. (comp. and ed.) (2005) Mu püksëm — sotvoreniye mira. Mifologiya naroda komi [The Creation of the world. Komi mythology]. Syktyvkar. 2005. In Komi and Russian.

Maksimov S. (1890) Krylatyye slova [Idioms]. St.Peterburg. 1890. In Russian.

Maksimov S.V. (1903) Nechistaya, nevedomaya i krestnaya sila [Devils, unknown and holy spirits]. St.Peterburg. 1903. In Russian.

Moroz A. B., Petrov N. V. (comps. and eds.). (2015) Mezhdru mifom i istoriyey. Mifologiya prostranstva v fol'klоре Russkogo Severa [Between myth and history. Space mythology in Russian North folklore]. Moscow. 2015. In Russian.

Minkh A. N. (1890) Narodnyye obychai, suyeveriya, predrassudki i obyady krest'yan Saratovskoy gubernii [Folk customs, superstitions, prejudices and rituals of Saratov province peasants]. St.Peterburg. 1890. In Russian.

Novichkova T. A. (1995) Russkiy demonologicheskii slovar' [Russian demonology dictionary]. St. Peterburg. 1995. In Russian.

Novikov Yu. (ed.) (2009) Fol'klор staroobryadtsev Litvy. T.2: Narodnaya mifologiya. Pover'ya. Bytovaya magiya [Lithuanian Old Believers folklore. Vol.2: Folk mythology. Beliefs. Magic]. Vilnius. 2009. In Russian.

Podyukov I. A. (2004) Karagayskaya storona. Narodnaya traditsiya v obryadnosti, fol'klоре i yazyke [Karagay district. Folk tradition in imagery, folklore and language]. Kudymkar. 2004. In Russian.

Ponomaryova L. G. (2016) Rech' severnykh komi-permyakov [Northern Komi-Permyak speaking]. Moscow. 2016. In Russian and Komi-Permyak.

Prikazchikova Yu. V. (comp. and ed.). (2009) Ustnaya istoricheskaya proza Vyatskogo kraya [Oral historical proze of Vyatsky district]. Izhevsk. 2009. In Russian.

Putilova E. O. (ed.) (2008) Detskaya literatura [Literature for children]. Moscow. 2008. In Russian.

Radenkovich L. (1986) Mesto isterivan'a nechiste sile v narodnim bayan'ima slovensko-balkanskog areala [Place of banishment for evil spirits in spells of Slavic-Balkan areal]. *Glasknik Evtnografskog muzeya u Beogradu* [Belgrade

Ethnographic museum bulletin]. 1986. Vol. 50. Pp. 201–222. In Serbian.

Shevarenkova Yu. M., Khramova N. B. (eds.) (2016) Fol'klor Diveevskogo rayona Nizhegorodskoy oblasti [Folklore of Diveevsky district, Nizhegorodskaya region]. T. 1. Part 1. N. Novgorod. 2016. In Russian.

Shumov K. E. (comp. and ed.) (1991) Bylichki i byval'shchiny: starozavetnyye rasskazy, zapisannyye v Prikam'ye [Mythological oral stories. The traditional folklore narrative recorded in Kama region]. Perm. 1991. In Russian.

Smirnov V. (1921) Klady, pany i razboyniki [Hoards, 'pans' and robbers]. *Trudy Kostromskogo nauch. obshch-va po izucheniyu mestnogo kraya* [Kostroma scientific community papers dedicated to local region studies]. 1921. Ed. XXVI. In Russian.

Sokolova V. K. (1970) Russkiye istoricheskiye predaniya [Russian historical legends]. Moscow. 1970. In Russian.

Tolstaya S. M. Chislo [Number]. *Slavyanskiye drevnosti: Etnolingv. slovar'* [Slavic antiquities: Ethno-linguistic dictionary]. Ed. by S. M. Tolstaya. Vol. 2. Moscow. 1999. Pp. 544–547. In Russian.

Tsybin V. (1994) Zagovorennyye klady i kladoiskateli. Predaniya stariny i noviny [Incanted hoards and treasure hunters. Legends of antiquity and modernity]. Moscow. 1994. <http://www.e-reading.club/bookreader.php/1048804/Cybin_-_Zagovorennyye_klady_i_kladoiskateli._Predaniya_stariny_i_noviny_zagovorennyye.html>. In Russian.

Uzenyova E. S. Petukh v traditsionnoy narodnoy kul'ture Poles'ya [Rooster in Polesye traditional folk culture]. *Zhivaya starina* [Alive antiquity]. 2006. № 4. Pp. 33–34. In Russian.

Vinogradova L. N. (2016) Mifologicheskiy aspekt slavyanskoy fol'klornoy traditsii [Mythology in Slavic folklore tradition]. Moscow. 2016. In Russian.

Vlasova M. N. (2008) Entsiklopediya russkikh suyeveriy [Russian superstitions encyclopedia]. St.Peterburg. 2008. <<https://profilib.net/chtenie/38800/marina-vlasova-entsiklopediya-russkikh-sueveriy-78.php>>. In Russian.

Vlasova M. N. (comp. and ed.) (2015) Mifologicheskiye rasskazy russkikh krest'yan XIX–XX vv. [Mythological stories of Russian peasants XIX–XX]. St.Peterburg. 2015. In Russian.

ABOUT THE AUTHORS

Korolyova S. Yu. orcid.org/0000-0003-4246-907X

E-mail: petel@yandex.ru

PhD in Philology, Associate Professor in the Department of Russian Literature

Perm State University

15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia

Tel. +7 (342) 2-396-374

Belomestnova A. S. orcid.org/0000-0002-8736-408X

E-mail: n_belomestnova@mail.ru

Postgraduate student in the Department of Russian Literature

Perm State University

15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia

Tel. +7 (342) 2-396-374
